

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Н55

Jo Nesbø

MACBETH

Copyright © Jo Nesbø 2018

First published as Macbeth by Jo Nesbø.

The Author has asserted the right to be identified as the author of the Work.

Перевод с норвежского *Анастасии Наумовой*

Разработка серии и оформление обложки:

Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Несбё, Ю.

Н55 Макбет : [роман] / Ю Несбё ; [пер. с норв. А. Наумовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 608 с.

ISBN 978-5-04-102798-8

В городе, в котором все время идет дождь, заправляют две преступные группировки. Глава полиции Дуглас — угроза для наркоторговцев и надежда для всего остального населения. Один из преступных лидеров, Геката, желая остаться в тени, замышляет избавиться от Дункана. Для своих планов коварный преступник планирует использовать Макбета — инспектора полиции, который подвержен приступам агрессии и которым легко управлять. А там, где есть заговор, будет кровь.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

© А. Наумова, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102798-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.....	7
Глава 2.....	34
Глава 3.....	45
Глава 4.....	67
Глава 5.....	97
Глава 6.....	118
Глава 7.....	134
Глава 8.....	148
Глава 9.....	161

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 10.....	176
Глава 11.....	181
Глава 12.....	194
Глава 13.....	205
Глава 14.....	220
Глава 15.....	232
Глава 16.....	258
Глава 17.....	268
Глава 18.....	286
Глава 19.....	292

Глава 20.....	302
Глава 21.....	320
Глава 22.....	325
Глава 23.....	354
Глава 24.....	360

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 25.....	373
Глава 26.....	394
Глава 27.....	409
Глава 28.....	424
Глава 29.....	431
Глава 30.....	440
Глава 31.....	452
Глава 32.....	466
Глава 33.....	472
Глава 34.....	479
Глава 35.....	490
Глава 36.....	494
Глава 37.....	507
Глава 38.....	521
Глава 39.....	533
Глава 40.....	550
Глава 41.....	557
Глава 42.....	562
Глава 43.....	598
Глава 44.....	601

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Перечеркнув небо, прозрачная капля дождя миновала тьму и устремилась вниз, к дрожащим огням грязноватого портового города. Холодные порывы северо-западного ветра гнали каплю прямо к пересохшему устью реки — та делила город вдоль на две половины. Поперек же город перерезала заброшенная железнодорожная ветка. Получившиеся четыре округа были пронумерованы по часовой стрелке, а других названий у них не имелось. Во всяком случае, местные никаких названий не помнили. А когда те же местные путешествовали по миру, то даже, бывало, говорили, будто не помнят, как называется и сам город.

Капля из прозрачной постепенно превратилась в серую, пробиваясь сквозь пелену ядовитого, пропитанного гарью тумана, наседавшего на город, несмотря на то что за последние годы фабрики здесь все друг за дружкой позакрывались. Несмотря на то, что безработные не могли наскрести на топливо для собственных печей. Несмотря на капризный, но сильный ветер и, казалось, нескончаемый дождь, какого, как некоторые говорили, город не видал с тех самых времен, как четверть века назад две атомные бомбы положили конец последней мировой войне. Иначе говоря — с того момента, как Кеннет занял кресло комиссара городской полиции. Сидя

в кабинете на самом верхнем этаже Главного полицейского управления, комиссар Кеннет двадцать пять лет мучил город. Так было при всех бургомистрах, и, что бы ни говорили высокопоставленные чины в столице Капитоль, второй по величине город — а когда-то сердце промышленности — медленно погрязал в трясине коррупции, банкротств, преступности и хаоса. Возможно, виновником затянувшейся непогоды был Кеннет, а может, атомные бомбы, или же местные просто забыли, что на самом деле случилось, — важно другое: совсем недавно в душах горожан затеплилась наконец надежда. Шесть месяцев назад отдохавший на даче комиссар Кеннет свалился со стула, ударился, а спустя три недели умер. Церемонию погребения оплатили из городского бюджета — такой указ состряпал еще при жизни сам Кеннет, а после достойных диктатора похорон городские главы и бургомистр посадили на пост комиссара полиции Дункана, широколобого епископского сына, стоявшего во главе столичного Отдела по борьбе с организованной преступностью.

Такой выбор многих удивил: Дункан не принадлежал к старой школе предприимчивых полицейских-политиков, а был представителем нового поколения хорошо образованных лидеров, сторонником реформ, открытости и модернизации и противником коррупции, чем выгодно отличался от местных хапуг.

Горожане надеялись, что у них появится наконец честный, смелый и прозорливый комиссар полиции, который выгасит город из трясины, и укреплял их надежду тот факт, что Дункан сразу же отправил в отставку всю полицейскую верхушку и посадил вместо них своих, лично отобранных людей — молодых мечтателей, которым действительно хотелось сделать город пригодным для жизни.

Ветер пронес каплю над западной частью Четвертого округа, над самой высокой точкой города, антенной на крыше радиостанции, откуда хриплый одинокий голос Уолта Кайта озвучивал надежду на долгожданное спасение. Еще при жизни Кеннета Кайт был единственным, кто в открытую осмеливался критиковать комиссара полиции и обвинять того хотя бы в некоторых из совершенных им преступлений. Многие говорили, что радиожурналист до сих пор жив только благодаря своему одиночеству. И слишком уж Кайт был на виду, чтобы просто взять и исчезнуть. Сегодняшним вечером Кайт хрипел о том, что городские главы сейчас стараются изо всех сил: Кеннету удалось пропихнуть законы, по которым вся настоящая власть попадает в руки комиссара полиции, и теперь законы эти придется отменить. Смешно, но все это означает, что последователю Кеннета, честному демократу и комиссару полиции Дункану, теперь вряд ли хватит полномочий, чтобы провести все намеченные реформы. А затем Кайт заявил, что на предстоящих выборах бургомистра «у занимающего этот пост Тортелла, самого жирного бургомистра в стране, противников нет. Вообще ни одного. Кишка тонка соперничать с нашей черепахой Тортеллом — он отвратительно непогрешимый и такой дружелюбный, что от его панциря любая критика отскакивает. И даже если кому-то хватит сил выгнать его из панциря, то из кабинета вряд ли: двери там узкие, а бургомистр наш так растолстел, что ни в одну дверь не влезет».

В восточной части Четвертого округа капля пролетела мимо «Обелиска», двадцатипятиэтажного гиганта из стекла и бетона, где размещались отель и казино. Светящаяся громада «Обелиска» словно показывала средний палец черно-коричневому унынию четырехэтажных строений, из которых со-

стоял город. Чем меньше город производил и чем сильнее росла безработица, тем больше находилось тех, кто стремился спустить деньги, которых у них не было, в одном из двух городских казино — многие как ни силились, так и не могли понять, в чем кроется разгадка этого явления.

— Город перестал давать и начал отбирать, — сипел из радиоприемников Кайт, — сначала промышленность, потом железные дороги, чтобы отсюда точно никто не выбрался. А под конец мы начали накачивать жителей наркотой — ею теперь торгуют там, где прежде продавали билеты на поезд. Так нам проще обирать наше же население. Я никогда не думал, что наступит время и я стану скучать по промышленным магнатам, но они, по крайней мере, принадлежали к отрасли, вызывающей уважение. Чего не скажешь об азартных играх, наркоторговле и политике — то есть трех других отраслях, на которых по-прежнему можно сделать деньги.

В Третьем округе ветер быстро погладил Главное полицейское управление, казино «Инвернесс» и пустынные улицы, откуда дождь старательно разгонял народ по домам, но разогнал не всех. Погладил ветер и вокзал, где больше не было поездов, зато было полно призраков и путешественников. Призраков тех, кого вера в себя, рабочий дух, бога, технологии и своих последователей заставила когда-то построить этот город. И путешественников, которые бежали на этот круглосуточный наркорынок купить дури, этот пропуск в рай и билет в ад. Во Втором округе ветер немного посвистел в кирпичные трубы двух крупнейших, но недавно закрытых городских фабрик — «Гравена» и «Эстекса». Обе фабрики специализировались на сплавах, но из каких металлов состояли эти сплавы, не сказали бы даже те, кто стоял у домы. Зато сказали бы, что корейцы начали изготавливать те

же самые сплавы намного дешевле. Здесь уже чувствовалось обветшание — возможно, из-за местного климата, а может статья, местным так казалось просто потому, что они знали о банкротстве, оставившем фабрики стоять там молчаливыми потухшими вулканами, которые Кайт назвал «разграбленными соборами капитализма в городе разрухи и недоверия».

Дождевая пелена двигалась на юго-восток, по тротуарам с разбитыми фонарями, где к стенам домов жались шакалы, прячась от бесконечного плача небес и высматривая жертву среди тех, кто бежал мимо, к домашнему теплу и спокойствию. В свежем интервью Кайт спросил комиссара полиции Дункана, почему у них в городе вероятность, что тебя ограбят прямо на улице, в шесть раз выше, чем в Капитоле. Наконец-то простой вопрос, обрадовался Дункан и ответил, что причина в безработице: безработных у них в городе в шесть раз больше, а наркоманов — в десять. В порту громоздились старые контейнеры и стояли выдавшие виды контейнеровозы. Их капитаны частенько дожидались охочих до денег представителей портовой службы и совали тем коричневые конверты, благодаря которым получали и разрешение на вход в порт, и место в гавани. Пароходство включало эти расходы в бюджет на дополнительные нужды и клялось, что это в последний раз.

Одно из таких судов называлось «Ленинград» и было древней советской посудиною, с которой дождь смыл в море столько ржавчины, что казалось, будто судно истекает кровью.

Капля сверкнула в свете лампы, висевшей на потолке одного из двухэтажных деревянных строений, где располагались склад, офис и закрытый боксерский клуб. Пролетев между стеной и ржавыми бортами стоявших на причале по-

судин, капля ударилась о бычий рог, проползла по нему до мотоциклетного шлема, из которого этот рог торчал, и упала на спину, обтянутую черной кожаной курткой с готическими буквами, складывающимися в надпись «РЫЦАРИ СЕВЕРА». Оттуда капля шлепнулась на сиденье красного мотоцикла «Индиан Чиф», а потом, наконец, на медленно вращающуюся ступицу заднего колеса. Там капля слилась с ядовитой водой, городом и Вселенной, прекратив свое существование.

За красным мотоциклом следовали еще одиннадцать — они по очереди проехали по желтому пятну света, который отбрасывала висевшая на стене темного строения лампа, и исчезли в темноте.

Свет уличного фонаря падал в окно конторы по найму моряков, приютившейся на втором этаже, и выхватывал из полумрака руку. Из-под нее виднелась заявка от судна «Гламис», которому срочно понадобился второй кок. Длинные и гладкие, словно у пианиста, пальцы и ухоженные ногти. На лицо падала тень, так что собеседник не видел ни пристального взгляда голубых глаз, ни массивного подбородка, ни тонких, выдававших скупца губ, ни хищного носа, зато отчетливо видел шрам, белой молнией разрезающий лицо наискось, от подбородка ко лбу.

— Они приехали, — сказал инспектор полиции Дуфф, тайне надеясь, что ребята из Отдела по борьбе с наркоторговлей не услышат, как легко, едва заметно дрожит его голос. Он ожидал, что за наркотой от Рыцарей севера придет человека три-четыре, ну уж никак не больше пяти, а сейчас насчитал в медленно разрезающем темноту караване целых двенадцать мотоциклов, причем на двух последних сидело по пассажиру. Четырнадцать против его девяти. И у не-

го имелись все основания полагать, что Северяне вооружены. До зубов. Да, перевес значительный, но голос у него дрожал вовсе не поэтому. Дело в том, что Дурфф получил как раз то, чего так жаждал: наконец-то операцией рулит он, наконец-то и его оценили по достоинству.

Поговаривали, что такие мотоциклы марки «Индиан Чиф» были тайно изготовлены в 1955 году по заказу Полицейского управления Нью-Йорка, причем существует их всего пятьдесят штук. А такой шлем и такой мотоцикл имеются у одного-единственного человека, хотя от него уже несколько месяцев не было ни слуху ни духу. Из прицепленных к мотоциклу кривых ножен поблескивала стальная рукоятка.

Свенон.

Некоторые утверждали, будто он мертв, другие — что он скрывается за границей, сменил имя, обрезал свои светлые патлы и окопался где-то в Аргентине, наслаждаясь старостью и посасывая тонкие, как шило, сигариллы.

Но это был он. Главарь банды, мочивший полицейских и сразу после Второй мировой сколотивший на пару с Сержантом Рыцарей севера. Они ходили по гнившим вдоль местной вонючей речки развалюхам, где жили рабочие, и вербовали молодых отмороzków, а потом обучали их, муштровали, промывали им мозги, пока не превратили в армию бесстрашных солдат, которых Свенон мог использовать, как ему заблагорассудится. Он подчинил себе город и стал единолично контролировать растущий наркорынок. И сперва казалось, будто Свенона никому не остановить — во всяком случае, Кеннет со своими полицейскими даже и не пытался. Скорее наоборот — за деньги Свенона они согласны были помогать ему до скончания века. Сам же Свенон стал участником бешеной гонки. Домашнее зелье Гекаты, «дурь»,

отличалось высоким качеством и низкой ценой, а кроме того, оно всегда было в изобилии. И если отправитель анонимного послания не врал, то за такую партию Северяне огребут сполна. Короткие, отпечатанные на машинке строки были адресованы лично ему, и, прочитав их, Дуфф обрадовался, хотя до конца не поверил. Слишком уж щедрый подарок. Для начальника Отдела по борьбе с наркоторговлей это настоящий карьерный взлет, если, конечно, этим подарком верно распорядиться. Этот комиссар, Дункан, еще не на все должности рассовал своих ставленников. Например, в Отделе по борьбе с организованной преступностью по-прежнему сидел старый кореш Кеннета, инспектор Кавдор — новый комиссар еще не успел доказать, что тот нечист на руку, но это вопрос времени. А ведь Дуфф — один из команды Дункана. Когда пошли слухи о том, что Дункана назначат комиссаром, Дуфф позвонил ему в Капитоль и торжественно заявил, что если комиссаром станет не Дункан, а один из Кеннетовых приспешников, то он, Дуфф, и сам уйдет в отставку. Возможно, Дункан догадался, что за этим, казалось бы, беззаветным признанием в верности кроются личные мотивы, но что с того? Дуфф действительно поддерживал планы Дункана по формированию честной полиции, чьей задачей будет служить народу. Однако он не отказался бы и от кабинета в Главном управлении — причем чем выше к небу, тем лучше. Да и кто бы отказался? А еще ему хотелось снести башку этому, на мотоцикле.

Свенону.

Он был средством и целью.

Дуфф взглянул на часы. Аноним не наврал. Минута в минуту. Он приложил пальцы к запястью, прощупывая, как колотится вена. Надежда окрепла и превратилась в уверенность.

— Дуфф, много их там? — прошептали рядом.

— Достаточно, чтоб считать, что нам повезло, Сейтон.

А один из них — такая крупная добыча, что, когда мы его загребем, вся страна вздрогнет.

Дуфф протер запотевшее стекло. Десять вспотевших разгоряченных полицейских в тесной комнатенке. К таким операциям они не привыкли. Дуфф единолично решил никому не показывать анонимки и привлечь к делу только людей из своего отдела. Слишком уж много у них в конторе стукачей и взяточников — лучше не рисковать. Во всяком случае, именно такое объяснение Дуфф собирался дать комиссару Дункану, когда тот спросит. Впрочем, ругать его вряд ли будут. Особенно если он принесет им в клювике самую крупную партию наркоты за всю историю и тринадцать Рыцарей севера.

Тринадцать, да. Не четырнадцать. Один из них останется лежать на поле битвы. Если, конечно, у него все получится. Дуфф стиснул зубы.

— Ты говорил, их будет четверо или пятеро, — сказал Сейтон, подойдя к окну.

— Что, Сейтон, поджилки трясутся?

— У меня-то нет, а вот на твоём месте я б струхнул. У тебя тут девять человек, а в таких передрягах я единственный бывал, — спокойно ответил Сейтон. Он был худощавый и лысый и служил в полиции, сколько Дуфф себя помнил. Вот только работал он при Кеннете. Дуфф пытался избавиться от Сейтона. Нет, ничего плохого тот не натворил, но было в нём что-то неприятное, вот только что именно, Дуфф так и не мог определить.

— А почему ты не вызвал подкрепление, Дуфф?

— Чем меньше народа знает...